

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94:329.055.3

К ВОПРОСУ О ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВНИКАХ СССР В ВОЗМОЖНОЙ ВОЙНЕ В 1920-Х ГОДАХ

В. Г. Цыплин

Саратовский государственный университет
E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

В статье рассматриваются международные отношения СССР с потенциальными противниками в межвоенный период, производится систематизация дипломатических актов антисоветской направленности и группировка государств исходя из степени враждебности их международной политики по отношению к СССР в 1920-е годы.

Ключевые слова: межвоенный период, международные отношения, военная политика СССР.

The Question of the USSR's Potential Enemies in Potential War in 1920s

V. G. Tsyplin

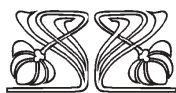
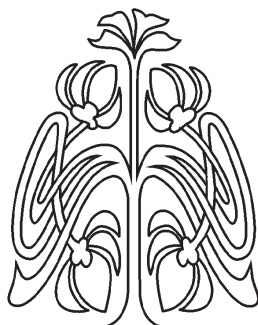
The article examines Russian relations with potential adversaries in the interwar period. The author systematizes a number of diplomatic Anti-Soviet Acts and the ranking of states threatening the USSR's foreign policy during 1920s.

Keywords: interwar period, international relations, USSR defense policy.

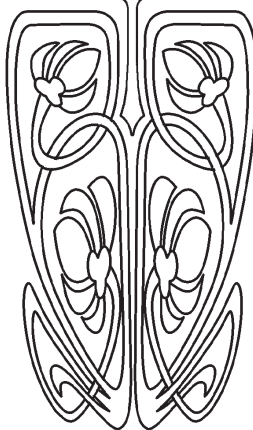
Военно-политические реалии сегодняшних дней вполне обоснованно выдвигают в качестве острых проблемы внешней безопасности России, которые своими корнями уходят в прошлое. В связи с этим большое значение приобретает исследование военной политики в отношении стран, которые считались потенциальными противниками СССР.

Детальный анализ внешнеполитических шагов руководителей СССР и мероприятий по совершенствованию вооруженных сил, предпринятых в нашей стране в 1920-х гг., в начальный период подготовки к возможной войне, не менее важен, чем изучение реакции на эти действия руководителей крупных мировых держав, имевшей далеко идущие исторические последствия. Но исследование тех представленных моделей, которые лежали в основе важнейших политических и стратегических решений СССР, принимаемых в рассматриваемый период, является преобладающим. Именно поэтому так важно выяснить, какой представлялась грядущая война руководителям СССР на протяжении 1920-х гг., когда началась масштабная реконструкция вооруженных сил, которая была активно продолжена в 1930-х гг. Это позволило бы выстроить факты событийной истории в целостную картину, уточнить логику принимаемых решений.

Бесспорно, что анализ исторического опыта отношений России, особенно со странами Европы, в 1920-е гг. представляет не только дипломатический интерес. Советское государство сразу, с момента основания, стало объектом и участником жесткого экономического, социального и политического противостояния двух систем. Подавляющее большинство государств мира с ненавистью отнеслось к революции. Вместе с тем в различных слоях общества капиталистических стран крепла надежда на успех невиданного в истории эксперимента, росла поддержка страны Советов. Одним из проявлений этого процесса стало то, что после революции Советскую Россию, а затем СССР посещали десятки различных делегаций из разных стран мира. По приблизительным подсчетам, в 1920-е гг. нашу страну посетило около 50 тыс.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

иностранцев, т. е. примерно 5 тыс. человек в год, или 13–14 человек ежедневно¹. Но в то же время начинает просматриваться общая картина военно-политической подготовки западных сопредельных стран к войне с СССР. Об этом свидетельствует ряд международных договоров и соглашений, направленных против СССР. Советское правительство, в свою очередь, летом 1926 г. предлагает каждой стране в отдельности (Польше, Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии) заключить договор о ненападении и нейтралитете. Несмотря на контрмеры Польши и длительный процесс решения этой проблемы, советской дипломатии удалось склонить к подписанию договоров сначала правительства Литвы, а затем и Латвии, чему в немалой степени способствовало охлаждение отношений между Польшей и Литвой, а также Польшей и Латвией. К тому же Финляндия и Эстония вынуждены были отказаться от польских условий заключения договора с СССР².

В 1927 г. Наркомат обороны СССР принял решение о начале строительства укрепрайонов вдоль западной границы на наиболее важных стратегических направлениях, начиная с Северо-Западного укрепрайона на Карельском перешейке³.

В 1928 г. штаб РККА, исходя из международного положения СССР, все капиталистическое окружение условно подразделял на четыре группы государств:

1) явно враждебные по отношению к СССР: Англия, Франция, Польша, Румыния, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва; сюда же можно причислить и Италию, которая из соображений своей общей политики готова поддержать антисоветские планы Англии;

2) могущие примкнуть к антисоветскому фронту, какие сами, какие после определенной обработки их ведущими странами Запада: Германия, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Югославия, Греция, Бельгия, Япония и США;

3) не заинтересованные в войне с СССР в силу своего географического положения или по другим причинам: Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Австрия, Албания, Персия и страны Латинской Америки;

4) дружественные по отношению к СССР: Турция, Афганистан, Китай, Индонезия, Индия, Монголия⁴.

Представляется, что деление государств на 4 группы является весьма условным, так как в ходе боевых действий политика многих государств имела разные оттенки по отношению к СССР в сравнении с мирным периодом. Тем не менее подобная градация является вполне достаточной для общей ориентировки и для определения основных вариантов войны против СССР в 1920-е годы.

Характеризуя группировки государств с точки зрения их участия в боевых действиях против СССР, необходимо отметить, что наиболее враждебную политику против Советского государства проводило консервативное прави-

тельство Великобритании, которое можно назвать инициатором антисоветских комбинаций. После бурного подъема, связанного с дипломатическим признанием 1 февраля 1924 г. правительством лейбористской партии правительства новой России, переговорами и подписанием Общего договора и договора о торговле и мореплавании между СССР и Великобританией, в двусторонних отношениях начался резкий спад. Реакционные силы, от консерваторов (У. Черчилль, О. Чемберлен) до либералов (Д. Ллойд Джордж, Г. Асквит и др.), объединились в общей борьбе за аннулирование подписанных договоров. В начавшейся избирательной кампании оппозиция не побрезговала прибегнуть к антисоветской фальшивке – так называемому письму Коминтерна, подписанному якобы Г. Е. Зиновьевым и призывавшему к антигосударственному перевороту в Великобритании. Несколькими годами спустя было точно установлено, что «письмо Коминтерна» было изготовлено в Берлине по заказу британской разведки⁵. В наши дни английские официальные лица подтвердили, что «письмо Коминтерна» было изобретением британских спецслужб. А тогда Форин оффис направил на имя поверенного в делах СССР Раковского ноту, в которой расценил указанную фальшивку «как прямое вмешательство извне во внутренние дела Великобритании»⁶.

В октябре 1924 г. лейбористское правительство распустило парламент и назначило новые выборы, на которых потерпело поражение. Победу одержала консервативная партия. Новое, консервативное правительство во главе с С. Болдуином отказалось представить на ратификацию договоры, подписанные с СССР. Антисоветская кампания продолжалась.

Планы Англии в основном сводились, во-первых, к созданию единого антисоветского блока из западноевропейских стран, недовольных новым государством со своеобразной политической системой, во-вторых, к образованию и укреплению военно-политического блока из всех сопредельных с СССР государств (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии), в-третьих, к ослаблению влияния СССР на страны Востока (Турцию, Иран, Афганистан, Китай).

Много сил было затрачено английскими дипломатами на вовлечение в блок Франции, Германии и Италии. Правительство Великобритании предприняло ряд агрессивных открытых выступлений против СССР – налеты на советские представительства в Китае и Лондоне, а также разрыв дипломатических отношений с СССР. Заслуживают внимания и инициативы перед Лигой Наций о создании антисоветского фронта. Подобные дипломатические демарши имели лишь частичный успех, который наиболее заметен в отношении Франции. Во второй половине 1927 г. правительство этого государства стало проводить явно враждебную по отношению к СССР политику. Это проявилось в инциденте с полпре-

дом СССР Раковским, в попытке французского банка присвоить попавшее в Америку советское золото, в торможении франко-советских переговоров, в репрессиях против членов Французской компартии. Фрагментарно антисоветские планы Англии проявились в Италии, где фашистское правительство предприняло ряд антисоветских жестов. Они проявились, например, в утверждении бессарабского протокола, привлекшего «права» Румынии на Бессарабию⁷. Примечательно – что касается Германии, конечно, до прихода Гитлера к власти, то она занималась лавированием между Западом и Востоком, кладя в основу своей политики укрепление собственного международного положения, сохранение всех видов отношений с СССР и вынашивание агрессивных планов на мировое господство. Впоследствии стало ясно, что без германского «звена» блок против СССР вообще был невозможен. В тот период Германии необходимо было разобраться с западными державами и Польшей по основным спорным вопросам – это касалось репарации и плана Дауэлса, военного контроля со стороны союзников, Данцигского коридора и Верхней Силезии⁸. США не препятствовали ведению Англией антисоветской деятельности, но в то же время воздерживались от активного участия в ней.

В 1928 г. просматривается общая картина военно-политической подготовки западных сопредельных стран к войне с СССР. Об этом свидетельствует ряд международных договоров и соглашений, направленных против СССР:

- польско-французская военная конвенция, дополняющая союзный договор 1925 г. и договор 1921 г.;
- польско-румынский союзный договор и военная конвенция, заключенные в 1921 г. и дополненные в 1923–1924 гг.;
- румыно-итальянский договор о дружбе, который дополнен секретным соглашением о военной и политической поддержке Румынии;
- румыно-французский союзный договор и военное соглашение;
- соглашения Польши с Чехословакией и Румынией, Югославией, Венгрией в 1925 г., которые были готовы обеспечить всемерную поддержку против СССР в военное время;
- соглашения Румынии с Чехословакией и Югославией, обеспечивающие ей дружественную поддержку этих государств в случае войны с СССР;
- ряд соглашений Польши с Латвией и Эстонией, с которыми установлено тесное военное и дипломатическое сотрудничество. Это сотрудничество просматривается в польско-балтийских конференциях министров иностранных дел и генштабов, которые проходили через каждые полгода. Совместное выступление этих государств в случае войны Польши и Англии с СССР можно считать наиболее вероятным;
- военно-политический союз Латвии и Эстонии;

- секретные соглашения Румынии, Латвии и Эстонии с Англией, главным образом военного характера.

Напрашивается соответствующий вывод, что в 1920-е гг. был заключен целый ряд весьма серьезных военно-политических договоров, направленных против СССР, которые координировали действия участвующих в договорах государств в случае военного нападения на СССР.

Граничащие с СССР государства по своей политической, экономической и социальной структуре были «разношерстными», во внешней политике преследовали разные цели – это не позволяло им объединиться в единый общий военный союз против СССР.

Среди предполагаемых вариантов войны со стороны объединенных сил капиталистических государств против СССР советское военное командование выделяло три основных.

Первый вариант предусматривал нападение на западные границы СССР вооруженных сил Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии при поддержке материально-техническими средствами со стороны Англии и Франции (их союзников) и обеспеченном нейтралитете Германии.

Согласно второму варианту нападение на СССР должно было произойти вооруженными силами Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии при поддержке вооруженных сил Англии, Франции и других крупных держав Запада.

По третьему варианту нападение на западные, южные и восточные границы СССР должно было произойти при участии вооруженных сил широкого империалистического блока: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии и Англии через территории Турции, Персии, реакционных китайских империалистов и Японии⁹.

В то же время принцип недопущения решительного преобладания одной из международных группировок для СССР не только имел общемировое или общеевропейское измерение, но и был непосредственно связан с проблемами защиты советских границ. Говоря о необходимости «поддержки слабейшего» и враждебности «таким международным акциям, которые в какой-либо мере могут способствовать угнетению одних народов другими или подготовке новых войн»¹⁰, Москва видела в роли объекта международного давления прежде всего себя. Советских руководителей преследовал подлинный «кошмар коалиций» – от миража капиталистической реставрации объединенными силами Франции, Польши, Румынии и Чехословакии при поддержке английского флота и американских капиталов до призрака сговора лапуасцев, пилсудчиков и самураев о расчленении СССР. Едва ли не любая попытка сближения между странами, расположенными в непосредственной близости от советских границ, рассматривалась как попытка антисоветского сговора¹¹.

Несмотря на неизбежность своеобразных черт, проступающих в исторической ретроспективе, на фоне международных отношений межвоенного периода советская внешняя политика выглядела похожей на внешнюю политику любой другой нации, не желающей военных осложнений, стремящейся к расширению отношений с иностранными государствами и лелеющей надежду на наступление, стремящейся исправить ошибки, преодолеть несправедливость и наказать виновных¹².

Принцип «классового подхода», поначалу являвшийся одним из основных элементов советского внешнеполитического мышления, трансформировался в геополитическое видение, согласно которому мир стал состоять из «главных», «ближайших» и «смертельных противников»¹³. Общие установки в целом традиционной политики безопасности и баланса сил не привели к построению концепции в целом, не получилось детального плана укрепления внешнеполитических позиций СССР и достижения им промежуточных и конечных результатов.

В конце 1920-х гг. ряд советских военных специалистов пристальное внимание уделял теории начального периода войны, которая в первую очередь базировалась на опыте Первой мировой войны и означала отрезок времени со дня официального объявления войны и общей мобилизации армии до начала приграничного сражения главных сил, развертываемых на театре военных действий. Основным содержанием этого периода были мобилизация, сосредоточение и развертывание основных сил воюющих сторон¹⁴. Для Германии и Франции начальный период продолжался 16–17 дней¹⁵.

Начальник отдела мобилизации штаба РККА С. И. Венцов, выступая на конференции командного и политического состава Украинского военного округа в декабре 1925 г., обратил внимание на содержание предмобилизационного периода, предлагая его сократить. В качестве мер были рассмотрены «войска завесы», состоящие из конницы, усиленной стрелками и техническими войсками (бронемашин, артиллерия, пулеметные части, авиация), и системы крепостей, отдельных фортов и укреплений¹⁶. Существенный вклад в разработку стадии начального периода войны внес А. А. Свечин. Он ввел в 1926 г. в научный оборот понятия «предмобилизационный период», в который включались подготовительные мероприятия, и «особый период войны», включающий мобилизацию, сосредоточение и развертывание¹⁷.

«Наша иностранная политика не определяется установленной заранее начерченной программой, учитывающей не только, что есть сегодня, но и завтра, быть может, — указывал Х. Раковский в 1927 г., обращаясь к членам ЦК и ЦКК. — Она определяется имперически изо дня в день под влиянием тех или иных событий. И Наркоминдел, и полпреды не имеют плана»¹⁸. Преодолению «имперического подхода» должно

было способствовать периодическое комплексное рассмотрение внешнеполитических проблем на особых заседаниях Политбюро, проект которых Дзержинский планировал вынести незадолго до своей смерти. Шаги в этом направлении были предприняты весной–летом 1927 г., когда Политбюро обсуждало меры по ослаблению внешней угрозы, причем соответствующие решения, «Об Англии», например, охватывали широкий круг деятельности — от работы Осоавиахима до директив дипломатическим миссиям.

Однако с осени 1927 г. по мере минования «военной тревоги» эта практика была свернута. К концу 1920-х гг. политическая обстановка в Европе поменялась в целом. 30 мая 1929 г. на выборах в парламент Великобритании крупную победу вновь одержала лейбористская партия, которая 8 июня сформировала второе лейбористское правительство во главе с премьером Р. Макдональдом и министром иностранных дел А. Гендерсоном. Одним из предвыборных лозунгов лейбористов было восстановление дипломатических отношений с СССР, с которым они связывали возможность расширения экономических связей, что было особенно важно в условиях начавшегося мирового экономического кризиса. Этому предшествовало создание в 1926 г. Англо-русского комитета промышленников. С 25 марта до конца апреля делегация английских промышленников в составе 84 человек побывала в СССР. Она представляла 1500 фирм. Это была самая крупная английская делегация, побывавшая в СССР. Однако под сильным нажимом консерваторов лейбористы медлили с решением этого вопроса. Только 5 ноября палата общин поддержала правительство в его усилиях по восстановлению отношений с СССР, что и было зафиксировано в обмене нотами¹⁹. 12 декабря произошел фактический обмен послами, а 20 декабря 1929 г. Г. Я. Сокольников вручил свои верительные грамоты.

Конечно, все это было известно в Советском Союзе. Советская пропаганда постоянно напоминала о нарастании международного кризиса, предпринимались, как, например, в 1935 г., попытки заключить союз с потенциальными противниками Германии. Но все же импульс предыдущей войны заметно ослабел, мирная жизнь, если можно так сказать о жизни советского общества рубежа 1920–1930-х гг., вступила в свои права. Советская власть оказалась достаточно устойчивой. Подрастали и вступали в сознательную жизнь новые поколения с иным взглядом на мир. Эпоха «призраков войны» уходила в прошлое. Наступила эпоха военной реальности, когда действительно приближавшаяся война порой казалась призрачной.

Снижение остроты ощущения военной опасности отмечали и представители власти. Так, уже в феврале 1929 г. генеральный секретарь Осоавиахима Л. П. Малиновский писал в секретной записке на имя заместителя председателя организации С. С. Каменева, что «несмотря на растущую

и бесспорную угрозу войны, отчасти в связи с известными успехами борьбы Советского Союза за мир, отчасти вследствие сосредоточения усилий на разрешении внутренних задач представление о непосредственной военной угрозе в сознании масс притупилось»²⁰.

Временная утрата статуса великой державы и первостепенность забот об обеспечении безопасности СССР, прочности социально-политического строя, утвердившегося на большей части бывшей Российской империи в 1917–1921 гг., обусловили характерную для советской политики конца 1920-х гг. сосредоточенность на упрочении своего положения в Восточно-Европейском регионе. Общие внешнеполитические установки Советского государства, непризнание легитимности участия СССР в европейских делах привели к тому, что усилия СССР в конце 1920-х гг. были сосредоточены не столько на поиске политического партнерства с теми или иными государствами, сколько на обеспечении безопасности от них.

Примечания

- 1 См.: Лельчук В. С., Пивовар Е. И. Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 75.
- 2 См.: История дипломатии : в 3 т. М. ; Л., 1945. Т. 3. С. 358–360.
- 3 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25888. Оп. 3. Д. 147. Л. 12–18.
- 4 РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 682. Л. 25.
- 5 См.: Документы внешней политики СССР : в 24 т. М., 1963. Т. 7. С. 720.
- 6 Там же. С. 511.
- 7 См.: Советско-румынские отношения. Документы и материалы : в 2 т. 1917–1934. М., 2000. Т. 1. С. 252–255.
- 8 См.: Военно-политические отношения СССР – Германия. М., 2001. С. 79–80.
- 9 РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 682. Л. 26–27.
- 10 Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова. 23.07.1930 // Архив внешней политики РФ. Ф. 0129. Оп. 20. Д. 389. С. 427.
- 11 См.: Howard M. The strategic approach to international relations // Howard M. The causes of war and other essays. 2nd ed. Cambridge (Mass.), 1984. P. 45–46.
- 12 См.: E. Ovey to A. Handerson, 10.3.1931 // Soviet Union Annual report, 1930 – PRO. FO\371\15619\№ 1831.
- 13 Gorodetsky G. The formulation on Soviet foreign policy // Soviet foreign policy 1917–1941 / ed. by G. Gorodetsky. L., 1994. P. 41–42.
- 14 См.: Коротков И. А. История советской военной мысли. Краткий очерк. 1917 – июнь 1941. М., 1980. С. 129.
- 15 Там же. С. 130.
- 16 См.: Соколов Г. Современная завеса и вопросы стратегического прикрытия // Война и революция : в 4 кн. М., 1928. Кн. 4. С. 17.
- 17 Свечин А. Стратегия // Московский военный вестник. 1927. С. 30–31.
- 18 Выступление Х. Г. Раковского. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29.7–9.8.1927. Стенографический отчет (вып.1) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. С. 98.
- 19 Документы внешней политики СССР : Т. 12. С. 598–600, 665–667.
- 20 Цит. по: Никонова О. Ю. «Просим считать нас мобилизованными», или война как фактор социальной мобилизации // Проблемы российской истории. Вып. 5. Магнитогорск, 2005. С. 234–235.

УДК 370.5 (470.44)

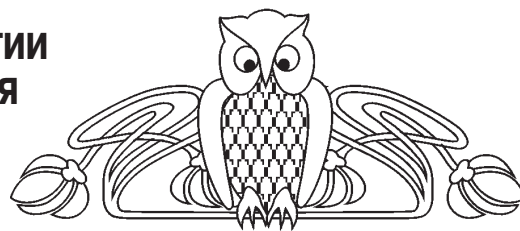
ОТ ДОКТРИНЫ «СДЕРЖИВАНИЯ» К СТРАТЕГИИ «РАСШИРЕНИЯ»: АМЕРИКАНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОМОЩЬ И «ВЫЗОВЫ НОВОЙ ЭПОХИ» (1992–1994 годы)

Е. А. Афонина

Саратовский государственный университет
E-mail: ekaterina.afonina@list.ru

Данная статья посвящена изучению изменений в американской внешней политике и природы новых глобальных вызовов в период после окончания холодной войны. Кроме того, в статье анализируется роль американской внешней помощи слаборазвитым странам в контексте Стратегии национальной безопасности, принятой администрацией Клинтона.

Ключевые слова: Агентство международного развития США, Б. Клинтон, стратегия национальной безопасности, развивающиеся страны, иностранная помощь.

From the «Containment» Doctrine to the «Expansion» Strategy : the American Foreign Aid and New Epoch Challenges (1992–1994)

E. A. Aphonina

The article is devoted to the study of the changes in the American foreign policy and essence of new global challenges after the end of the Cold War. Besides the role of the American foreign aid to underdeveloped countries in the context of the Clinton administration's National Security Strategy is also analyzed.

Key words: United States Agency for International Development, B. Clinton, National Security strategy, developing countries, foreign aid.